

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

ХП ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения)

Часть 1

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1977

² Рукописи без вступительной формулы встречаются как исключение, преимущественно в тантрических текстах или в отдельных частях сборников.

³ М.- Н.Д.Миронов, Каталог индийских рукописей, вып. I, Пг., 1914.

⁴ В начале рукописи может встретиться обращение к трем и более божествам.

⁵ О датировке рукописей см. ниже.

⁶ Летосчисление по календарю викрам самват начинается с 57 г. до н.э.

⁷ Летосчисление по календарю шака идет с 15 марта 78 г. н.э.

А.Г.Сазыкин

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОЙРАТСКОГО ЗАЯ-ПАНДИТЫ

Многогранная деятельность ойратского Зая-пандиты (1599-1662) привлекала внимание многих ученых-востоковедов. Наибольшую известность принесло ему создание в 1648 г. ойратского "ясного письма". Значительный вклад Зая-пандита внес и в развитие монголоязычной литературы в качестве переводчика с тибетского языка большого числа сочинений.

Однако в монголоведной литературе существуют расхождения в отношении периодизации переводческой деятельности Зая-пандиты. Возникли эти расхождения оттого, что биограф Зая-пандиты - Ратнабхадра, перечисляя сочинения, переведенные его учителем, указывает, что переводы эти были выполнены за время "от года тигра до года тигра", не указывая при этом дополнительных элементов, которые бы позволили точно установить их эквивалент по европейскому летосчислению. По монгольскому календарю год тигра в сочетании с различными стихиями повторяется каждые двенадцать лет. Поэтому воз-

можно три варианта периодизации, хронологически совпадающие с годами его деятельности среди монголов и ойратов. Это могут быть либо период с 1638 по 1650 гг., либо с 1650 по 1662 гг. и, наконец, это может быть период, объединяющий оба предыдущих, то есть 1638-1662 гг.

В литературе широко распространено мнение, что свои переводы Зая-пандита осуществил в течение второго периода, то есть за время с 1650 по 1662 гг. Но здесь неизбежно возникает противоречие, на которое указал исследователь творчества Зая-пандиты - Х.Лувсанбалдан: "Ратнабхадра пишет, что Зая-пандитой переведено 177 сочинений между 1650 и 1662 гг. (от года барса до года барса). Однако здесь на наш взгляд допущена ошибка. Нам известно, что неко.урные из них переведены Зая-пандитой до создания "ясного письма": "Биография Панчена" в 1642 г., "Пачой" (Эггийи ном) - в 1643 г., "Мани гамбум" - в 1643-44 годах".¹ Таким образом, Х.Лувсанбалдан, не сомневаясь в том, что указанные Ратнабхадрой годы непременно соответствуют периоду между 1650 и 1662 гг., считает это свидетельство автора биографии Зая-Пандиты ничем иным, как ошибкой, хотя среди прочих достоинств биографии Зая-пандиты ученые отмечают исключительную точность Ратнабхадры в описании событий.²

Впервые столь распространенную ныне периодизацию переводческой активности Зая-пандиты предложил К.Ф.Голстунский³, исходя, видимо, из того предположения, что все свои переводы Зая-пандита выполнил на созданном им "ясном письме". Это предположение, однако, не имеет достаточного подтверждения и по настоящее время, поскольку не найдено ни одного автографа самого Зая-пандиты: более того, Д.Кара высказывает мнение, что и после создания "ясного письма" Зая-пандита не перестал пользоваться уйгуро-монгольским алфавитом⁴.

Самые старые сохранившиеся рукописи, содержащие переводы Зая-пандиты, написаны именно на уйгуро-монгольском письме; ойратские же рукописи, "в которых он указан переводчиком, относятся к более поздним временам, в лучшем случае к началу XVIII в."⁵ В качестве доказательства "несомненности" факта, что Зая-пандита переводил с тибетского языка только на ойратский язык и записывалось это исключительно на "ясном письме", некоторые авторы ссылаются на специфичность зая-пандитовской терминологии, полагая ее особой "ойратской философской терминологией". Монгольский

ученый Б.Ринчен пишет: "Ойратские переводы с тибетского... всегда несколько отличаются от монгольских переводов тех же сочинений своей терминологией. В этом можно усмотреть стремление создателя калмыцкой буддийской литературы создать свою ойратскую философскую терминологию, не всегда следующую общемонгольской".⁶

Но все сказанное выше свидетельствует лишь об особенности языка Зая-пандиты, специфичности его терминологии вообще. Особенность эта достаточно отчетливо прослеживается в его переводах, сохранившихся на уйгуро-монгольском письме, и в ряде случаев именно характерность и устойчивое своеобразие терминологии Зая-пандиты позволяет установить его причастность к переводу сочинений, написанных на старомонгольской графике.

Другой вариант периодизации переводческой деятельности Зая-пандиты имеется в выполненном Г.Н.Румянцевым в 1938 г. переводе биографии Зая-пандиты, где указано, что все переводы, поименованные в жизнеописании ойратского просветителя, были осуществлены в период с 1638 по 1650 гг.⁷, и по настоящее время это, пожалуй, единственный случай такой датировки, хотя в самой биографии содержится достаточно свидетельств в пользу именно подобной периодизации. Уже в кратком оглавлении, помещенном на первых листах биографии, читаем: "Рассказ о том, как он выехал [из Тибета] и, став ламой монголов и ойратов, перевел священные книги и распространял религию в семи хошунах и у четырех ойратов"⁸. В этой главе описываются как раз события 1638-1650 гг. и, как видно из заглавия этой части, задачи перед Зая-пандитой стояли весьма конкретные - переводить священные книги. Еще раз это подтверждается при описании отъезда Зая-пандиты из Тибета, где в напутствии Далай-ламы вновь сообщается о цели его путешествия: "Ради меня ступай к говорящим по-монгольски; переводом священных книг сделай пользу религии и живым существам".⁹

Трудно предположить, чтобы Зая-пандита отложил выполнение этого наказа на целых 12 лет, да и в биографии сообщается о его переводческой активности именно в период 1638-1650 гг.¹⁰ Подтверждают это и сведения, содержащиеся в колофонах ряда сочинений, переведенных Зая-пандитой. Так, например, в колофонах сочинений: "Bodhi-sadu-yin unal mörgül kemekü sudur", "Pançen xutuqtu-yin tuuñi ", "Xutuqtu Darā ekeyin maqtal " , "Sayibēr odoqsan sañin tododxun üyiledkñi erdeni sayin zarliqqıyn sara nom ɣarxui kemekü ", инициатором переводов названа Тайш-ахай, о которой

известно, что она умерла в 1644 г.¹¹. Имя этой Тайш-ахай лишь один раз встречается в биографии Зая-пандиты и именно в связи с ее кончиной, зато имя второго заказчика, помещенное в колофонах двух первых из вышеперечисленных сочинений, имя Очирту-тайджи неоднократно упоминается в жизнеописании Зая-пандиты. До 1644 г. Зая-пандита дважды гостил у Очирту-тайджи - в 1639 и 1642 гг. Можно предположить, что во время этих визитов и были переведены указанные сочинения. Действительно, одно из них - "Биография Панчена" по свидетельству биографии Зая-пандиты было переведено как раз в 1642 г.¹²

Все это убедительно свидетельствует об активной переводческой деятельности Заяпандиты в период 1638-1650 гг., и Ратнабhadра, доведя повествование о жизни своего учителя до 1650 г., и как бы подводя итог деятельности его за этот период, приводит список выполненных Зая-пандитой переводов, в конце прибавив: "Хутукту Зая-пандита⁷, с непоколебимой волей занимаясь в школе, достиг пределов знания и возвратился на родину. Переведя поучения Будды и шастры, распространял религию всеведущего Будды"¹³.

К.Ф.Голстунский в своем кратком изложении биографии Зая-пандиты, дойдя до этого же места, вдруг неожиданно заключает, что литературная деятельность Зая-пандиты "... выразилась как результат двенадцатилетних его трудов с ... 1650 по 1662 гг. в переводе многочисленных сочинений"¹⁴, а затем, следуя за повествованием Ратнабhadры, продолжает описание событий, начиная с 1650 г., когда Зая-пандита вторично отправился в Тибет, где и провел два года. В том, что в эти годы он не занимался переводами книг, убежден, по-видимому, и Д.Кара, который, придерживаясь установившейся периодизации переводческой деятельности Зая-пандиты, отбрасывает все же годы пребывания последнего в Тибете, ограничивая, таким образом, этот период 1652-1662 годами¹⁵.

По возвращении из Тибета в 1652 г. Зая-пандита продолжил свою религиозно-проповедническую деятельность среди ойратов и Ратнабhadра скрупулезно, шаг за шагом описывает различные события этого периода: участие Зая-пандиты в похоронных обрядах, в освящении вновь построенного храма, пишет также о том, что его учитель неоднократно объяснял книги, но ни слова не упоминает о том, переводил ли в это время Зая-пандита книги. Более того, за год до смерти, в 1661 г., Зая-пандита отклонил просьбу перевести биографию Падма Самбавы, сославшись на старость и болезни, и посоветовал читать его переводы, перечислив при этом важнейшие из них.

Можно было бы предположить, что в этот период своей жизни (1650-1662 гг.) Зая-пандита, находившийся уже в преклонном возрасте, оставил работу над переводами книг и занимался главным образом проповеднической деятельностью, как об этом и сообщается в заглавии этой части биографии: "Рассказ о том, как снова вернувшись в страну ойратов, опять проповедывал священное учение обладающим счастливою судьбою"¹⁶. Но хотя это предположение подтверждается многими фактами из самой биографии Зая-пандиты, тем не менее сведения, помещенные в колофонах целого ряда зая-пандитовских переводов, с неменьшей убедительностью свидетельствуют о том, что и в течение второго периода Зая-пандита не перестал переводить книги с тибетского языка.

В колофонах этих, переведенных Зая-пандитой сочинений, не указаны точные даты переводов, однако в большинстве из них помещены имена заказчиков, что дает возможность довольно точно датировать некоторые из них. Здесь очевидна заслуга Ратнабхадры, описавшего столь подробно и последовательно все значительные и даже незначительные события из жизни Зая-пандиты, все его многочисленные путешествия и встречи. Упоминаемые в колофонах имена многих заказчиков встречаются также и в биографии Зая-пандиты, и становится очевидным, что часть этих переводов могла быть выполнена только после возвращения Зая-пандиты из Тибета в 1652 г. Например, по свидетельству биографии, Зая-пандита впервые встретился с Ачиту-цорджи, инициатором перевода таких сочинений, как: "Xutuqtu yeke tonluqsani čoq-tu delgerüfilüqči kemekü yeke kǎlgǎni sudur" , "Xutuqtu čaqlaši ügei nasun belge biliqtü kemekü yeke kǎlgǎni sudur" , "Bodhi mǎr " ; и др., только в 1652 г.¹⁷, следовательно и переводы эти могли быть осуществлены не ранее этой даты.

Как видно из всего сказанного выше, переводческая деятельность Зая-пандиты не ограничивалась каким-то одним из периодов его пребывания среди монголов и ойратов, а продолжалась на протяжении всего этого времени, и нет необходимости, из каких бы то ни было соображений, втискивать годы переводческой деятельности Зая-пандиты в "прокрустово ложе" того или иного периода его жизни, что неизбежно порождает множество противоречий и допущений. Следовательно, между указанными Ратнабхадрой годами тигра лежит двадцатичетырехлетний период с 1638 по 1662 (точнее 1661) годы, то есть

все то время, что Зая-пандита провел среди своих соплеменников. Предложенная нами периодизация переводческой деятельности Зая-пандиты объясняет существование переводов Зая-пандиты как на уйгуро-монгольской графике, так и на "ясном письме"; не противоречит свидетельству биографии Зая-пандиты о его ранних переводах и таким образом снимает обвинение в недобросовестности с автора биографии - Ратвабхадры и делает понятным, как Зая-пандите "успел" перевести с тибетского языка такое огромное число сочинений¹⁸.

¹ Х.Лувсанбалдан, Тод усэг, тууний дурсгалууд, Улаанбаатар, 1975, с.332.

² Г.И.Михайлов, Литературное наследство монголов, М., 1969, с.93.

³ К.Ф.Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 года, СПб, 1880, с.124.

⁴ Д.Кара, Книги монгольских кочевников, М., 1972, с.79.

⁵ Там же, с.79.

⁶ Б.Ринчен, Ойратские переводы с китайского, - "Rosznik Orientalistyczny", XXX, I, Warszawa, 1966, с.64.

⁷ Г.Н.Румянцев, "Лунный свет - история раб-джам Зая-пандиты". (Перевод с ойратского), ч.П, машинопись, Архив востоковедов, ЛОИВ, Р.1, оп.3, ед.хран.44. (Далее: Архив ЛОИВ).

⁸ Там же, с.3.

⁹ Там же, с.5.

¹⁰ Там же, с.10.

¹¹ Лувсанбалдан, Тод усэг, тууний дурсгалууд, с.125-145.

¹² Архив ЛОИВ, с.9.

¹³ Там же, с.10.

¹⁴ Голстунский, Монголо-ойратские законы 1640 года, с.124.

¹⁵ Кара, Книги монгольских кочевников, с.78.

¹⁶ Архив ЛОИВ, с.3.

¹⁷ Лувсанбалдан, Тод усэг, тууний дурсгалууд, с.131-132.

¹⁸ Разные авторы называют различное число переводов Зая-пандиты. Так, например, А.М.Позднеев насчитывает 209 переводов Зая-

пандиты, которые, по его мнению, должны составить приблизительно до 800 томов. См. Позднеев, А.М., Ответ Н.И.Веселовскому. По поводу его критической статьи "О монгольской летописи Эрден-ийн эрихэ", в подлинном тексте, с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 год, - "Журнал министерства народного просвещения", 1903, с.299.

Т.И.Султанов

ИЗВЕСТИЯ МИРЗЫ ХАЙДАРА ДУГЛАТА И СЕЙФИ ЧЕЛЕБИ О ТИБЕТЕ И ТИБЕТЦАХ XVI в.

Число мусульманских источников, содержащих известия о Тибете и тибетцах довольно значительно,¹ в них имеется ценный географический и историко-этнографический материал, который почти не использован специалистами-тибетологами. В частности, представляют интерес сообщения об этой стране и ее жителях в трудах двух мусульманских авторов XVI в.

I. Мирза Хайдар Дуглат (1500-1551) находился на службе у Султан Саид-хана, правителя Кашгара и принимал личное участие в военных походах могольского хана в Бадахшан, Кафиристан, Ладак и Тибет. Описание этих походов он включил в свой исторический труд "Тарих-и Рашиди", написанный в Кашмире между 1541 и 1546гг.²

Согласно сведениям Мирзы Хайдара, Тибет стал подвергаться нападениям могольских войск под предлогом "священной войны", начиная с XV в. К концу этого столетия Мир-Вали, военачальник Абу-Бекр-мирзы, основателя независимого государства с центром в Яркенде, покорил Каратегин, Бадахшан и "все области Болора и Тибета до Кашмира".³ В правление Саид-хана (1514-1533) Ладак и прилегающие районы подверглись нападению сначала Мир-Мазида (около 1517 г.), а затем и самого хана (начало похода - июль 1532 г.), причем во главе могольского отряда стоял Мирза Хайдар Дуглат.

К сожалению, большинство приводимых Мирзой Хайдаром географических названий и названий крепостей трудно локализуется. По словам автора, конечным пунктом на пути в Центральный Тибет был перевал Аскабрак (Астабрак), откуда "до Урсанга оставалось восемь дней пути". Очевидно, под Урсангом здесь имеются ввиду централь-